

© Яковлева, А.С., 2020
УДК 784.4:161.1 (1-925.14)
DOI: 10.24411/2308-1031-2020-10069

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ с. МАРКОВО И РАЙОНОВ ПРИЛЕНЬЯ

А.С. Яковлева¹

¹ Высшая школа музыки РС (Я) (институт) им. В.А. Босикова, Якутск, 677007, Российская Федерация, Республика Саха (Якутия)

Аннотация. Духовно богатый и этнически разнообразный музыкальный фольклор Крайнего Севера является неотъемлемой и очень значимой частью нематериальной культуры Сибири и России в целом. Особую ценность в нем, наряду с традициями коренных этносов региона, представляет фольклор русских старожилов. На Северо-Востоке Сибири русские старожилы представлены несколькими островными локальными группами: приленской, русско-устынской, колымской, марковской. Настоящая статья посвящена музыкальному фольклору двух старожильческих групп: представители первой группы проживают в районах Приленья – в Хангаласском, Олекминском и Ленском улусах, расположенных по берегам среднего течения р. Лена Республики Саха (Якутия). Ко второй группе относятся жители с. Марково, которое находится на берегу среднего течения р. Анадырь Чукотского автономного округа. Формирование обеих традиций относится приблизительно к одному временному периоду. Однако собирательская и исследовательская деятельность по отношению к каждой локальной группе находится на разном уровне своего развития, соответственно степень изученности музыкального фольклора русских старожилов Крайнего Севера представлена неравномерно. В традиционном репертуаре данных локальных групп значительная роль отводится жанру хороводных, плясовых и игровых песен. Сравнение фольклорных образцов с материалами европейской части России подтверждает русскую основу репертуара приленцев и марковцев. Общей для представленных локальных групп специфической чертой является иноэтническое влияние, проявившееся в исполнительской манере и текстах песен. Таким образом, несмотря на обособленность друг от друга и наличие местных специфических черт, отличающих культуру рассматриваемых групп, в них обнаруживается общий характер формирования и развития фольклора, что говорит о близости этих традиций.

Ключевые слова: русские старожилы, фольклор с. Марково, фольклор Приленья, традиционный песенный репертуар.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Яковлева, А.С. Фольклорные традиции русских старожилов с. Марково и районов Приленья. *Вестник музыкальной науки*. 2020. Т. 8, № 4. С. 104–112. DOI: 10.24411/2308-1031-2020-10069.

FOLKLORE TRADITIONS OF RUSSIAN OLD-SETTLERS THE VILLAGE OF MARKOVO AND DISTRICTS OF PRILENE

A.S. Yakovleva¹

¹ V.A. Bosikov Higher School of Music of the RS (Ya) (Institute), Yakutsk, 677007, Russian Federation, Republic of Sakha (Yakutia)

Abstract. The spiritually rich and ethnically diverse musical folklore of the Far North is an integral and very significant part of the intangible culture of Siberia and Russia as a whole.

The folklore of Russian old-settlers is of particular value in it, along with the traditions of the indigenous ethnic groups of the region. In the North-East of Siberia, Russian old-settlers are represented by several island local groups: Prilenye, Russkoe Ustye, Kolyma, Markovo. This article is devoted to the musical folklore of two old-settlers groups: representatives of the first group live in the Prilenye regions – in Khangalass, Olekminsk and Lensk uluses, located along the banks of the middle reaches of the Lena River in the republic of Sakha (Yakutia). The second group includes residents of the village of Markovo, which is located on the banks of the middle reaches of the Anadyr River in the Chukotka autonomous region. The formation of both traditions dates back to approximately the same time period. However, collecting and research activities in relation to each local group are at a different level of their development, respectively, the degree of study of the musical folklore of Russian old-settlers of the Far North is presented unevenly. In the traditional repertoire of these local groups, a significant role is assigned to the genre of dance songs. Comparison of folklore samples with materials from the European part of Russia confirms the Russian basis of the repertoire of the people from Prilenye and Markovo. A specific feature common to the local groups represented is the ethnic influence manifested in the performing style and lyrics. Thus, despite the isolation from each other and the presence of local specific features that distinguish the culture of the groups under consideration, they reveal the general nature of the formation and development of folklore, which indicates the closeness of these traditions.

Keywords: Russian old-settlers, folklore of Markovo village, folklore of Prilenye, traditional song repertoire.

Conflict of interests. The author declares the absence of conflict of interests.

For citation. Yakovleva, A.S. (2020), "Folklore traditions of Russian old-settlers the village of Markovo and districts of Prilene", *Journal of Musical Science*, vol. 8, no. 4, pp. 104–112. DOI: 10.24411/2308-1031-2020-10069. (in Russ.)

Разнообразное в этническом отношении традиционное творчество Северо-Востока Сибири является достоянием мировой культуры и особое место в нем принадлежит локальным традициям русских старожилов. В число старожильческих групп входят жители с. Марково Чукотского автономного округа и приленских районов Республики Саха (Якутия). Обеим традициям присущи свои неповторимые, уникальные черты, а потому данная тема является актуальной и заслуживает глубокого изучения и пристального внимания, однако научный интерес к фольклору этих групп представляется недостаточным.

Первые публикации текстов марковского фольклора появились благодаря уроженцу села А.Е. Дьячкову – учителю русского языка и исследователю Анадырского края. В 1893 г. был издан его труд «Анадырский край. Рукопись жителя с. Марково

г. Дьяčkова», в котором помимо этнографических сведений содержатся записи фольклорных текстов. В 1896 г. А.Е. Дьячков составил первый «Марковский песенник», в который вошли 42 текста разножанровых песен. На фонограф впервые фольклорные материалы от жителей Маркова были записаны С.К. Богораз в 1900 г. в ходе экспедиции, организованной Американским музеем естественной истории, они стали одними из самых ранних фонографических записей России (Шенталинская Т., 2009, с. 61). Основным музыковедческим источником по фольклору Маркова является ряд статей и материалов Т.С. Шенталинской. Большую ценность представляет составленный ею же аудиодиск 2014 г. «Марковские песни». В диске содержится 28 фольклорных образцов, записанных в разное время¹.

Фольклор жителей с. Марково весьма разнообразен по своему жан-

ровому составу: сказки, былины, исторические, хороводные, плясовые, лирические, календарно-обрядовые, свадебные песни, инструментальные наигрыши, народное представление. Основная часть репертуара марковцев содержит образцы русского фольклора, ряд песен известен по вариантам, опубликованным в сборниках XVIII в., большое количество совпадений текстов и напевов в произведениях марковского фольклора обнаружено в сборнике Кирши Данилова. Для марковской песенной традиции характерно многоголосие, отражающее стиль многоголосного пения Русского Севера: преобладание октавного унисона, с выходом одного или двух голосов в верхний регистр и фрагментарное возникновение терцовых втор² (Якубовская Е., 2008, с. 182–183).

В наиболее активном бытовании в Маркове находился репертуар песен, исполнявшихся во время вечеров. По своей бытовой приуроченности все они именовались вечерочными. По традиционной жанровой классификации в большинстве своем они относятся к хороводным, игровым и плясовым песням (Шенталинская Е., 2009, с. 62). Некоторые из вечерочных песен, записанные от марковцев, такие как «Ай во поле», «Заплетайся, плетень», «Ай по морю», известны по сборникам XVIII в. (к примеру: Трутовский, ч. I; Львов–Прач, № 126, 125, 46). При исполнении плясовых песен часто использовали самодельные музыкальные инструменты: балалайки, скрипки, к концу XIX в. появилась гармошка. Также функцию музыкального инструмента выполнял гребень, обтянутый бумагой,

через который голосом воспроизводили какой-либо напев³.

Хорошо сохранились и старинные лирические протяжные песни, называемые местными жителями «домашними». По большей части это были мужские песни. И.В. Ладутько отмечает, что «все они являются классическими примерами русской протяжной лирической песенности, которая сформировалась в XV–XVI веках» (1983, с. 8, 27–45).

В канун Рождества и Нового года при обходе домов только женщинами исполнялись *виноградия* – поздравительные песни с пожеланиями. Эти песни представляли собой игровую сюиту (Ладутько И., 1983, с. 54). Записи С.К. Богораз включают несколько песенных фрагментов, следующих друг за другом: 1) обращение к хозяину дома, представляющее два разных напева, один из которых исполняется за дверью, а второй при входе в дом; 2) «Скопина песня» на исторический сюжет о смерти Михаила Скопина-Шуйского сопровождалась круговыми движениями по дому; 3) песня «Как по морю, по морю по синему» (Якубовская Е., 2008, с. 198–199). Обход домов в период Рождества сочетался с еще одним действием – театрализованным представлением «Лодка», которое проходило и весной. Это представление было привнесено в репертуар марковцев в конце XIX в. камчатскими казаками. Участники сценического действия исполняли роли Атамана, Есаула и Гребцов-младцов и изображали греблю в лодке, сопровождая сцену песнями «Не у белого царя, рыболовничка», «Ты взойди, красно солнышко», «Вниз по матушке, по Волге»⁴ (Ладутько И., 1983, с. 46–53).

Былины и эпические песни имеют сходство с фольклорными материалами XVII–XVIII вв. и довольно близки по лексике и мелодике с архангельскими, печорскими, мезенскими и ангарскими записями (Шенталинская Т., 2009). В фольклоре Марково обнаруживается влияние иноэтнических культур. Так, исполнение песен и сказок сопровождалось звукоподражанием пению птиц, что характерно для фольклорной традиции юкагиров. Манера исполнения сказок у марковцев и коренных северных народов имеет еще одну общую особенность – включение в повествование песенных фрагментов. Характер напевов имеет родственную связь с традициями якутов, юкагиров, тунгусов, эвенов, эвенков. В частности, к общим чертам Т.С. Шенталинская относит «пентатонику, составляющую основу лада, единичное появление секундового сопряжения, интонационное “раскачивание” внутри попевок, репетиционный финалис, ямбический рисунок музыкального ритма» (2004, с. 74–79).

Первое описание свадебного обряда Маркова приведено А.Е. Дьячковым в 1893 г. Свадебные песни марковцев сопровождали следующие обрядовые действия: девишник, одаривание жениха и невесты, встреча тысяцкого, благословление от родителей и свадебный пир⁵. Общее количество свадебных песен представлено десятью образцами. В ходе экспедиции в Марково в 60-х гг. XX в. Т.С. Шенталинской было обнаружено, что свадебные песни, записанные от марковцев ранее, забыты ими. Сохранилась лишь одна величальная, исполнявшаяся на свадебном обеде «Как гуляла-погуливала

да молода-горда боярыня» (Шенталинская Т., 2014, с. 74–77; 1983, с. 35).

Фольклорные образцы свидетельствуют о наличии самобытного местного диалекта (Хаккарайнен М., 2005, с. 60). В песнях и речи марковцев присутствует своеобразное сочетание северно-русского говора и некоторых лексических и фонетических особенностей коренных народов Севера.

Со Паранюска спесыва,
себе Ванюску манила,
Ваня скок на порок,
сапозонки спали с нок.
Посол Ванюска на крук,
перцяточки спали струк,
Посол Ванюска домой,
с нево сапоцька долой... (Зотов Г., 2010, с. 15).

Шипящие звуки часто заменяются звуком «с». В одних и тех же словах на протяжении одного фрагмента может присутствовать разное произношение, встречаются разные варианты замены гласных, что наглядно отражено в фольклорных записях («во лужьях» и «ва лужьях», «вырастала трава» и «вырастала трава», «шолковая-полусолковая»). В некоторых словосочетаниях наблюдается замена рода и падежей, что не всегда очевидно в условиях «акающего» говора («францисская (французская) воевода», «терзалась я по нём», «море вскалыхнулась», «урадилась сто да много ягад», «развесёла была время»). В лексике марковцев сохранились отдельные старинные русские слова, которые встречаются в некоторых песнях («гранатуровый»). При этом присутствуют и местные слова (мольча, юкола), и локализация текстов, например, сюжет исторической

песни «Донской казак в темнице» о пленении З. Чернышова прусским королем представлен марковцами уникальной версией о самурайских полках и японском короле («Проезжали самурайские полки»)⁶.

В отличие от марковского, русский приленский фольклор привлек внимание собирателей преимущественно лишь во второй половине XX в. Несколько песенных образцов были впервые записаны Г.В. Ксенофонтовым в 1923 и 1925 гг. Последующие записи были выполнены в 1973 г. сотрудниками Бурятского филиала Сибирского отделения АН СССР, в 1977 г. С.Н. Азбелевым и В.В. Коргузаловым, в 1982 г. Ю.И. Смирновым. Начиная с 1989 г. сведения о приленском фольклоре существенно пополнялись благодаря экспедиционным материалам О.И. Чариной (Леонова Н., 2019, с. 78–79).

Излюбленными музыкальными жанрами для приленцев стали городские песни и романсы, а также песни литературного происхождения. Из образцов традиционного фольклора основное место занимают хороводные, игровые и плясовые песни, исполнявшиеся на вечерках – праздничных развлекательных собраниях местного населения. Большинство хороводных песен, записанных в Приленье, известны в Центральной России и Сибири. Это песни «Сиди, Дрема», «А мы просо сеяли», «Как по ельничку», «Во саду ли, в огороде», «В хороводе были мы» и др. Однако в вариантах, записанных в Приленье, присутствует большое количество грамматических, фонетических и лексических изменений (Чарина О., 2009, с. 24–30).

Традиционная любовная лирика в музыкальном фольклоре прилен-

ских русских насчитывает немногим более десяти песен: «Под горою калина», «Летят утки», «Уж ты сад, ты мой сад» и др. В отличие от хороводных и плясовых, лирические песни не подверглись значительным грамматическим и лексическим трансформациям (Чарина О., 2009, с. 30, 32, 35).

Свадебный обряд приленских старожилов впервые был зафиксирован в Хангаласском районе в начале 20-х гг. XX в. Г.В. Ксенофонтовым. Собирателем была записана лишь одна свадебная песня – «Черный ворон воду пил», также он отмечал, что на девичнике подружки невесты исполняли прощальные песни, однако ни текстов, ни названий Г.В. Ксенофонтов не привел (Чарина О., 2007, с. 217–218).

О.И. Чариной в экспедициях по селам Хангаласского и Олекминского улусов в 1989–1993 гг. со слов местных жителей были записаны сведения о свадебном обряде Приленья. Подружки невесты исполняли короткие песни: «А коса-то», «Сокол-батьюшка», «Разорвали крылья-перья», «Сегодняшний день», комментирующие ход таких ритуалов, как передача косы, передача хлеба, перенесение приданого. Кроме того, пелись игровые «Алая роза», «Чернецово пиво», «Квашня», «Во поле орешина», а также величальные «Летели две птички» и «Там за речкой, там за перевозкой». В Олекминском улусе О.И. Чариной был зафиксирован свадебный плач «Подойди-ка, моя маминика». Особенно часто свадебный обряд сопровождала плясовая песня «Ой, при лужке, при лужке» (Чарина О., 2007, с. 219; 2001, с. 38).

Репертуар песен календарного цикла местными жителями во мно-

гом был утрачен. Из календарных встречается только два образца – это троицкие песни «Береза» и «Скоро, скоро Троица». Известно, что в канун Рождества и Нового года исполнялись *виноградия* (Чарина О., 2009, с. 16–19). О.И. Чарина считает, что недостаток свадебных и календарных песен в фольклорном репертуаре русских старожилов Приленья обусловлен разрозненностью заселения местных территорий и отсутствием женщин среди приленских русских на начальном этапе освоения берегов Лены (2005, с. 27–28).

Приленские ямщики являются носителями двух языков – русского и якутского, при этом последний преобладает в их бытовой речи. Поэтому в фольклоре русских старожилов Приленья присутствуют также образцы якутского народного творчества. Некоторые песни русского фольклора исполнялись как на русском, так и на якутском языке, особенно часто частушки. Кроме того, овладев якутским языком, ямщики стали разговаривать на смешанном русско-якутском диалекте. Эта особенность ярко отразилась в некоторых произведениях русского фольклора, в которых наблюдаются характерные лексические и грамматические преобразования, присущие нормам якутского языка (Макарова Г., 2007, с. 3; Смирнов Ю., 1991, с. 23; Чарина О., 1994, с. 7; 2014, с. 113).

Результаты экспедиций конца XX и начала XXI в. показали устойчивое бытование хороводных и плясовых песен. Их варианты, собранные Г.В. Ксенофонтовым, не имеют существенных отличий от более поздних записей (Чарина О., 1994,

с. 4–9). Однако сделать сравнительные выводы о развитии других жанров в традиции данной локальной группы довольно затруднительно, так как ранние записи, выполненные Г.В. Ксенофонтовым, представлены малым количеством фольклорных образцов, преобладающую часть которых составляют как раз хороводные и плясовые песни. Тем не менее многие песни, записанные в районах Средней Лены, сохранились гораздо лучше, чем в других местах Сибири (Кузьмина Л., 1979, с. 188). Песенный репертуар Приленья весьма разнообразен, он активно расширялся под влиянием постоянно прибывавших новых поселенцев из разных уголков России, а затем и Советского Союза. Сравнение материалов экспедиций 1976 и 2000 гг. указывает на значительные изменения в русском фольклоре приленского населения, связанные с обновлением песенного репертуара, вытеснением традиционных песен современными (Чарина О., 2009, с. 8–10).

Таким образом, изучив источники и сопоставив имеющиеся в них сведения по фольклору марковских и приленских жителей, можно прийти к некоторым выводам о жанровом составе музыкального репертуара двух традиций и о степени его изученности.

Анализ источников показал, что русский фольклор Приленья является предметом изучения главным образом с филологической точки зрения, большую часть опубликованного материала составляют работы О.И. Чариной. Музыкаведческие же исследования по приленскому фольклору отсутствуют. Музыкальные материалы в настоящее время

ограничиваются только шестью нотными образцами (Чарина О., 2009, с. 129–136). Напротив, изучение марковского фольклора ведется преимущественно музыковедами.

Фольклор местных жителей достаточно разнообразен и представлен всеми основными сферами народного творчества. При том, что жанровые приоритеты в локальных группах разные, они занимают большое место в сохранившемся песенном репертуаре традиционного песенно-танцевального комплекса. И в Маркове, и в Приленье большое значение приобрела традиция проведения вечеров, соответственно, основой репертуара стали хороводные и плясовые песни. Как видно из таблицы, несмотря на то что городской фольклор в Приленье представлен наибольшим количеством образцов, традиционные жанровые сферы в обеих группах расположены в одинаковой иерархии. Так, ведущую роль занимают уже упомянутые песенно-танцевальные образцы, почти на половину меньше лирических песен (в Приленье лирическая сфера включает как традиционный, так и городской фольклор, поэтому в таблице она указана меньшим числом). Песни свадебного цикла занимают третью по значимости позицию в традиционном репертуаре обеих групп, к тому же практически совпадает и само количество свадебных образцов (таблица).

Жанровые приоритеты по количеству опубликованных образцов

Песни	Марково	Приленье
Хороводные, плясовые и игровые	56	33
Лирические	29	12
Свадебные	13	12
Исторические	10	–
Городские песни и романсы	–	46

Таким образом, хотя влияние внешней среды и сказалось существенным образом на стабильности репертуара в одной локальной группе (Марково) и на активной восприимчивости к новому в другой (Приленье), обе группы русских старожилов обладают единым традиционным жанровым комплексом.

Исследуемые этнические группы сумели сохранить старинные русские традиции, которые в особых природных, социальных условиях, а также под влиянием иноэтнического окружения приобрели ярко выраженные самобытные черты. Благодаря своим уникальным характеристикам, песенные образцы, бытовавшие в этих традициях, являются особенно ценным для фольклористики материалом, требующим дальнейшего музыковедческого исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шенталинская Т.С. Песни села Марковою М., 2014. Аудиодиск.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

ЛИТЕРАТУРА

Зотов Г.В. Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России. Магадан: Изд-во СВГУ, 2010. 539 с.

Кузьмина Л.П., Миронова З.А. Современный русский фольклор на Крайнем Севере // Современный русский фольклор Сибири. Новосибирск: Наука, 1979. С. 177–204.

Ладутько И.В. Русский фольклор Чукотки: Дипл. работа. Владивосток: ДВПИ, 1983. 72 с.

Леонова Н.В., Яковлева А.С. Исполнительский фольклоризм русских старожиллов Приленья // Вестник музыкальной науки. 2019. № 4. С. 77–88.

Макарова Г.С. Ямщицкий перезвон. Якутск: РНМЦ НТ и СКД им. А.Е. Кулаковского, 2007. 60 с.

Смирнов Ю.И. Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1991. 499 с.

Хаккарайнен М.В. Локальные представления о болезнях и лечении (поселок Марково, Чукотка): Дис. ... канд. ист. наук. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2005. 206 с.

Чарина О.И. Фольклор русского населения Якутии. Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1994. 132 с.

Чарина О.И. О русском свадебном обряде в Приленья // Живая старина. 2001. № 2. С. 37–38.

Чарина О.И. Перспективы и задачи исследования русского фольклора Якутии // Наука и образование. 2005. № 3. С. 26–30.

Чарина О.И. Русский фольклор Хангаласского улуса // Хангаласский улус: История, культура, фольклор. Якутск: Бичик, 2007. С. 212–225.

Чарина О.И. Русские песни Приленья. Новосибирск: Наука, 2009. 160 с.

Чарина О.И. Характер локальных особенностей фольклора русских старожиллов севера Якутии и среднего Приленья // Вестник Бурят. гос. ун-та. 2014. Т. 2, № 10. С. 110–114.

Шенталинская Т.С. Марковские вechorkи: Рус. нар. песни. Магадан: Кн. изд-во, 1983. 36 с.

Шенталинская Т.С. Элементы традиционной культуры аборигенов в русскоязычных анклавах на Северо-Востоке Сибири // Славянская традиционная культура и современный мир. М., 2004. С. 68–79.

Шенталинская Т.С. Фольклор чуванцев // Этнографическое обозрение. 2009. № 3. С. 60–78.

REFERENCES

Charina, O.I. (1994), *Fol'klor russkogo naseleniya Yakutii* [Folklore of the Russian population of Yakutia], YaNTs SO RAN, Yakutsk, 132 p. (in Russ).

Charina, O.I. (2001), "About the Russian wedding ceremony in Prilenye", *Zhivaya starina* [Living antiquity], no. 2, pp. 37–38. (in Russ).

Charina, O.I. (2005), "Prospects and objectives of the study of Russian folklore in Yakutia", *Nauka i obrazovanie* [Science and education], no. 3, pp. 26–30. (in Russ).

Charina, O.I. (2007), "Russian folklore of the Khangalassky ulus", *Hangalasskii ulus: istoriya, kul'tura, fol'klor* [Khangalassky ulus: history, culture, folklore], Bichik, Yakutsk, pp. 212–225. (in Russ).

Charina, O.I. (2009), *Russkie pesni Prilen'ya* [Russian songs of Prilenye], Nauka, Novosibirsk, 160 p. (in Russ).

Charina, O.I. (2014), "The nature of the local features of the folklore of the Russian old-timers of the north of Yakutia and middle Prilenye", *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Buryat State University], no 10, pp. 110–114. (in Russ).

Hakkarainen, M.V. (2005), *Lokal'nye predstavleniya o boleznyah i lechenii (poselok Markovo, Chukotka)* [Local views on diseases and treatment (Markovo village, Chukotka)], Cand. Sc. Thesis, Saint Petersburg, 206 p. (in Russ).

Kuz'mina, L.P., Mironova, Z.A. (1979), "Contemporary Russian folklore in the Far North", *Sovremennyi russkii fol'klor Sibiri* [Contemporary Russian folklore of Siberia], Nauka, Novosibirsk, pp. 177–204. (in Russ).

Ladut'ko, I.V. (1983), *Russkii fol'klor Chukotki* [Russian folklore of Chukotka], Diploma work, DVPI, Vladivostok, 72 p. (in Russ).

Leonova, N.V., Yakovleva, A.S. (2019), "Performing folklorism of Russian old-timers of Prilenye", *Jurnal of Musical Science*, no. 4, pp. 77–88. (in Russ).

Makarova, G.S. (2007), *Yamshchickii perezvon* [Coach ringing], RNMC NT i SKD im. A.E. Kulakovskogo, Yakutsk, 60 p. (in Russ).

Shentalinskaya, T.S. (1983), *Markovskie vechorki: Russkie narodnye pesni* [Vechorki from Markovo: Russian folk songs], Knizhnoye izdatel'stvo, Magadan, 36 p. (in Russ).

Shentalinskaya, T.S. (2004), "Elements of traditional aboriginal culture in Russian-speaking enclaves in the North-East of

Шенталинская Т.С. Марковский песенник // Этномузыкология: История формирования научно-образовательных центров, методы и результаты ареальных исследований. СПб.: Скифия-принт, 2014. С. 71–85.

Якубовская Е.И. Традиционный фольклор русского населения Анадыря и Колымы в записи В.Г. Богораза и В.И. Иохельсона // Русский фольклор XXXIII. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2008. С. 181–246.

Siberia”, *Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremennyi mir* [Slavic traditional culture and the modern world], Moscow, pp. 68–79. (in Russ).

Shentalinskaya, T.S. (2009), “Folklore of the Chuvans”, *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], no. 3, pp. 60–78. (in Russ).

Shentalinskaya, T.S. (2014), “Markovo songbook”, *Etnomuzykologiya: istoriya formirovaniya nauchno-obrazovatel'nykh tsentrov, metody i rezul'taty areal'nykh issledovaniy* [Ethnomusicology: the history of the formation of scientific and educational centers, methods and results of areal research], Skifiya-print, Saint Petersburg, pp. 71–85. (in Russ).

Smirnov, Yu.I. (1991), *Russkaya epicheskaya poeziya Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Russian epic poetry of Siberia and the Far East], Nauka, Novosibirsk, 499 p. (in Russ).

Yakubovskaya, E.I. (2008), “Traditional folklore of the Russian population of Anadyr and Kolyma recorded by V.G. Bogoraz and V.I. Iokhelson”, *Russkii fol'klor XXXIII. Materialy i issledovaniya* [Russian folklore XXXIII. Materials and research], Nauka, Saint Petersburg, pp. 181–246. (in Russ).

Zotov, G.V. (2010), *Slovar' regional'noi leksiki Krainego Severo-Vostoka Rossii* [Dictionary of regional vocabulary of the Far North-East of Russia], Izdatel'stvo SVGU, Magadan, 539 p. (in Russ).

Сведения об авторе

Яковлева Александра Сергеевна, преподаватель кафедры истории и теории музыки Высшей школы музыки РС (Я) (институт) им. В.А. Босикова (Якутск)

E-mail: sanya.yakovleva.94@mail.ru

Author information

Aleksandra S. Yakovleva, lecturer at the Department of History and Theory of Music at the V.A. Bosikov Higher School of Music of the RS (Ya) (Institute) (Yakutsk)

E-mail: sanya.yakovleva.94@mail.ru

Поступила в редакцию 27.09.2020

После доработки 22.10.2020

Принята к публикации 30.10.2020

Received 27.09.2020

Revised 22.10.2020

Accepted for publication 30.10.2020